

15 сего августа за № 37 изволил отдать по Инженерному корпусу следующий приказ: высочайшим его императорского величества приказом, последовавшим августа в 11 день, производятся по экзамену состоящие при Главном инженерном училище полевые инженеры: <...> из прапорщиков в подпоручики — Достоевский...» и т. д.

Начался последний учебный год для Достоевского в Инженерном училище.

С 10 декабря 1842 г. офицеры сдавали полугодичный экзамен: 10-го — законоведение, 11-го — фортификацию, 12-го — строительное искусство, 14-го — минералогию, 15-го — химию, 17-го — теоретическую механику, 19-го — прикладную механику, 21-го — закон божий и после перерыва с 23 декабря по 2 января происходил смотр чертежей. Приказы по училищу за 1843 г. не сохранились.

А. В. ДРУЖИНИН О МОЛОДОМ ДОСТОЕВСКОМ

(Публикация А. Л. Осповата)

Литературное наследие Александра Васильевича Дружинина (1824—1864) — беллетриста, критика, переводчика — собрано и изучено далеко не во всем объеме.¹ Этому не приходится удивляться, если принять во внимание признание Дружинина в его неопубликованной автобиографии: «Полного собрания своих сочинений не издавал, списка им не имеет».² Отсутствие точного представления о работах Дружинина этих лет затрудняет и анализ того существенного сдвига в его воззрениях (на рубеже 1840—1850-х годов), который определил переход воспитанника «натуральной школы» на позиции защитника теории «чистого искусства».³ Цель настоящего сообщения — ввести в оборот отрывок из неизвестной статьи Дружинина 1848 г., который содержит примечательный отзыв о творчестве молодого Достоевского.

Датировка статьи не вызывает сомнений: даже по дошедшему до нас фрагменту очевидно, что она построена по типу ежегодных обзоров русской литературы, практиковавшихся в критике со времен Белинского; поскольку же речь здесь идет о произведениях, появившихся в 1848 г., то работу над статьей следует отнести к концу этого года. Резонно предположить, что статья предназначалась для «Современника» (где тогда Дружинин исключительно сотрудничал), но в первом номере этого журнала за 1849 г. появился аналогичный обзор П. В. Анненкова — «Заметки о русской литературе прошлого года».⁴ В «Современнике» одновременно

¹ См., например, публикации последних лет: Герштейн Э. Новый источник для биографии Лермонтова. Неизвестная рукопись А. В. Дружинина. — Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 615—644; Зельдович М. Г. Неопубликованная статья А. В. Дружинина о Некрасове. — Некрасовский сборник, т. IV. Л., 1967, с. 241—266.

² ГПБ, ф. 265, № 1, л. 2 об.

³ См.: Чуковский К. Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934, с. 11—76; Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской литературной критики середины XIX века. Л., 1973, с. 48—51, 79—80; Рябцева Т. Ф. А. В. Дружинин в «Современнике» начала 1850-х годов («История одной картины»). — В кн.: Н. А. Некрасов и его время, вып. IV. Калининград, 1979, с. 137—142.

⁴ См.: Современник, 1849, № 1, отд. 3, с. 1—28. Анненков, очевидно, написал статью еще осенью 1848 г., до отъезда в Симбирск (см.: Егоров Б. Ф. П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х годов. — Учен. зап. Тартуского унив., 1968, вып. 209, с. 65), что могло каким-то образом остаться неизвестным Дружинину.

с обзором Анненкова увидели свет роман Дружинина «Жюли» и первое его «Письмо иногороднего подписчика <...> о русской журналистике», где, сочувственно рецензируя «Белые ночи»,⁵ он, однако, не использовал материал интересующей нас статьи. И в двух следующих «Письмах иногороднего подписчика...», содержащих отзывы о «Неточке Незвановой»,⁶ публикуемый ниже фрагмент не отразился.

Первое «Письмо иногороднего подписчика...», датированное декабрем 1848 г., было первым выступлением Дружинина в качестве литературного критика (если не считать статью «Джемс Фенимор Купер», написанную вероятнее всего Дружининым,⁷ но все же не имевшую отношения к текущим процессам в отечественной словесности). Поскольку логично предположить, что новую форму ежемесячных обзоров Дружинин решил ввести в «Современнике» только после того, как узнал о «приоритете» Анненкова по отношению к ежегодным обзорам, то интересующую нас статью можно рассматривать как его несостоявшийся критический дебют.

Начало критической деятельности Дружинина совпало с «мрачным семилетием», когда он потерял надежду на то, что его беллетристика, следовавшая канонам «натуральной школы», имеет шансы на прохождение в печать. Как раз 17 января 1849 г. цензура запретила повесть «Воспитанница»,⁸ и отныне повествовательные и драматургические опыты Дружинина носили уже иной характер. Возможно, его отход от традиций 40-х годов объясняется не только прагматическими соображениями и он испытывал в ту пору внутренний кризис (как следствие общего кризиса «натуральной школы»), — как бы то ни было, уцелевший фрагмент из статьи 1848 г. зафиксировал эстетическое «брожение». Дело даже не в том, что из всех произведений Достоевского, написанных между «Бедными людьми» и «Белыми ночами», Дружинин выделил «Двойника» (что не соответствовало итоговой оценке этой повести, данной Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»⁹); гораздо более существенно, что, определяя конфликт «Слабого сердца» как «антагонизм, несогласие» «духовной природы» человека с «жизненными событиями», критик отметил устарелость и вторичность этой «мысли». Очевидно, что упрек в подражании Шекспиру, Пушкину и другим писателям адресован — в этом контексте — прежде всего прозаикам «натуральной школы», которые часто описывали трагедию обездоленного человека, сокрушенного «первой радостью, первой улыбкой судьбы». В отличие от критики 40-х годов Дружинин не стремился предсказать дальнейший путь писателя, не наставлял его: как можно судить по данному фрагменту, статья не предполагала каких-либо итоговых выводов.

За исключением повести «Полинька Сакс» (1847), память о которой (как показывает работа над «Бесами» и «Подростком») надолго сохранилась в творческом сознании Достоевского, литературная деятельность Дружинина воспринималась писателем с неизменным скепсисом и даже враждебно. В первом дошедшем до нас письме брату после каторги (от 22 февраля 1854 г.) читаем: «...от Дружинина тошнит» (П., I, 140). «Переписчик» (т. е. «Иногородний подписчик») высмеивается в «Селе Степанчикове» (см.: 3, 70); негативные упоминания о Дружинине встречаются и в публицистике 60-х годов (см.: 20, 82, 84). Однако, как уже отмечалось комментаторами (см.: 2, 488), изменения, внесенные Достоевским в текст «Белых ночей» в 1860 г., были сделаны не без влияния упо-

⁵ См.: Современник, 1849, № 1, отд. 5, с. 43—44; Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6. СПб., 1865, с. 14—15.

⁶ См.: Современник, 1849, № 2, отд. 5, с. 185—187; № 3, отд. 5, с. 67—69; Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6, с. 27—29, 63—66.

⁷ См.: Современник, 1848, № 7, отд. 3, с. 1—20. Ср.: Богград В. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, с. 492.

⁸ Сохранился цензурный экземпляр этой повести (см.: ГПБ, ф. 265, № 6).

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1955, с. 40—41.

мянутого выше отзыва Дружинина в первом «Письме иногороднего подписчика...». Это обстоятельство придает дополнительный интерес публикуемому фрагменту.

Фрагмент статьи Дружинина (он включает и завершающие строки отзыва о Я. П. Буткове¹⁰) печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, № 13, л. 1—2 об.

«...» подробностей, зато нигде растянутость не доведена до такой степени. Залетаев, выигравший карету и катающийся в ней по Невскому проспекту без усталости и отдыха,¹ — его фиолетовый прислужник, весь ряд этих небритых, синих и задорных людей вроде Громотрясова, Рылоторотова и компании поневоле смешат вас, и смешат от чистого сердца. Иногда вам хочется спросить: «да откуда же автор выискал эти странные лица», — но вы тотчас же забываете свой вопрос и смеетесь от души. Но вот повесть начинает вас уже не так занимать: она тянется и не может окончиться, лица перед вами все те же, все те же фризковые, фиолетовые и подбитые физиономии, те же Рылоторотов и Громотрясов, Залетаев по-прежнему катается по Невскому на запятках, у него тот же фиолетовый человек... Вам становится скучно, и повесть, столько раз вызывавшая вас на улыбку, оканчивается зевотою.

Говоря о статьях, преимущественно назначенных для легкого чтения, упомянем о маленьких рассказах г. Достоевского (Ф. М.) (в Смеси Отеч. Зап.), и упомянем только затем, чтобы отсоветовать автору приниматься за этот род статей. Талант автора «Бедных людей» не имеет довольно гибкости, слог его не слишком легок и игрив для этого рода, и, кроме того, его запутанность и туманность причиною, что статьи эти читаются с некоторым напряжением. Признаемся откровенно, что после «Хозяйки» мы опасались за г. Достоевского, эта повесть была до такой степени странна, скучна и непонятна, что мы видели в ней окончательный упадок таланта, окончательную решимость г. Достоевского придерживаться какого-то неслыханного и неестественного направления. Тем приятнее было нам в отделе словесности «Отечественных записок» встретить две новые повести — «Слабое сердце» и «Рассказ бывалого человека»,² из которых убедились мы, что г. Достоевский воротился на прежнюю дорогу и говорит с нами языком понятным, напомнившим нам время его успеха, время «Бедных людей». Однако же обе указанные нами статьи во всех отношениях ниже этого последнего произведения.

Основная идея повести «Слабое сердце» очень замечательна, но ее нельзя назвать новою. Человек, взросший под гнетом нужды и несчастья, которого первая радость, первая улыбка

¹⁰ Любопытно, что в третьем «Письме иногороднего подписчика...» Дружинин писал: «Эти два имени (Достоевский и Бутков, — А. О.) как-то срослись между собою, одно из них напоминает о другом; отозвавшись о повестях г. Достоевского, нельзя умолчать о таковых же г. Буткова» (Современник, 1849, № 3, отд. 5, с. 69; Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6, с. 66).

судьбы сокрушила как тростинку, — не есть предмет новый для правоописателя. Иначе и быть не может: везде, где действует человек, интереснейшим предметом для наблюдения является антагонизм, несогласие его духовной природы с жизненными событиями. На несоразмерности сил наших с потребностями и событиями зиждется целый ряд бессмертных произведений. Гамлет, Рене, Оберман,³ Онегин и Печорин — все это члены того же семейства. Романы и повести живут подобными сюжетами. И так мысль «Слабого сердца» не в состоянии вынести на себе целого произведения,⁴ как это было, например, с Голядкиным, где основная идея, по рельефности своей и оригинальности, заставляла прощать автору бледность и запутанность подробностей.⁵

Исполнение повести «Слабое сердце» неудачно. Мы не можем привязаться ни к одному из действующих лиц, — нам жаль героя повести, но мы не любим его, он нам как-то непонятен, его детские выходки неловки и непривлекательны, — мы не находим в нем частички самих себя, как это было с Макаром Алексеевичем.⁶ Коротче сказать: он вял. Ночные сцены перед сумасшествием проникнуты болезненным колоритом, они не могут не произвести действия на читателя, но это действие как-то посредственно, это рассказ о какой-то замечательной болезни, это не самая болезнь. Мы слушаем рассказ о больном, слушаем его с участием, но сам больной не стоит перед нашими глазами... Других замечательных лиц в повести нет: Аркадий, друг жениха, лицо невероятное. У нас в Петербурге не любят на каждом шагу обниматься со своими друзьями, и бедная, скромная часть нашего народонаселения до крайности сосредоточена и молчалива в своих привязанностях и антипатиях.

Сцена в магазине у М-ше Леру производит на читателя впечатление, подобное фальшивой музыкальной ноте. Тут что-то не так, что-то не верно... Картина Петербурга в морозный вечер, когда ряды палат грозно высятся в сумраке и дым, выходя из труб сжатыми столбами, рисует на светлом небе фантастические узоры, очень эффектно оканчивает повесть. Заметим к случаю, что г. Достоевский никогда не пропускает случая после патетической сцены нарисовать какую-нибудь сцену Петербурга, картину туманную, грустную и угрюмую. Как бы удачно ни была написана подобная картина, не следует ей беспрестанно возобновляться при одних и тех же обстоятельствах.

¹ Речь идет о повести Я. П. Буткова «Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева» (Отечественные записки, 1848, № 2; Бутков Я. П. Повести и рассказы. М., 1967, с. 297—386).

² «Слабое сердце» было опубликовано в «Отечественных записках» (1848, № 2). Под общим заглавием «Рассказы бывалого человека. (Из записок неизвестного)» были напечатаны рассказы «Отставной» и «Честный вор» (Отечественные записки, 1848, № 4).

³ Речь идет о главных героях повестей «Рене, или Следствия страсти» (1802) Франсуа Рене де Шатобриана (1768—1848) и «Оберман. Письма, изданные г. Сенанкуром» (1804) Этьенна Пивера Сенанкура (1770—1846).

⁴ Ср. суждение П. В. Анненкова: «Литературная самостоятельность, данная случаю, хотя и возможному, но до крайности частному, как-то

странно поражает вас...» ([Анненков П. В.]. Заметки о русской литературе прошлого года. — Современник, 1849, № 1, отд. 3, с. 3). Обзор критических отзывов о «Слабом сердце» см.: 2, 477—488; см. также: Замонин И. И. Ф. М. Достоевский в русской критике, ч. 1. 1846—1881. Варшава, 1913, с. 1—32.

⁵ Ср. позднейшее высказывание Достоевского о Голядкине: «...мой главный подпольный тип (надеюсь, что мне простят это хвастовство в силу собственного сознания в художественной неудаче типа)» (Литературное наследство, т. 83. М., 1971, с. 310—311; на близость суждений Дружинина и Достоевского мое внимание обратил В. А. Свительский).

⁶ Имеется в виду герой «Бедных людей» Макар Девушкин.

И. Д. ЯКУБОВИЧ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТЗЫВ О ПОВЕСТИ «ДЯДЮШКИН СОН»

«Дядюшкин сон» — первое произведение, с которым Достоевский выступил в печати после каторги. Отзывы о повести, конечно, очень интересовали его. Достоевский неоднократно просил брата передавать ему все мнения: «... прошу тебя, исполни мою просьбу, напиши мне все, что услышишь без утайки о моем романе <...> Пойми, что это для меня чрезвычайно интересно» (П., I, 245). В комментариях к «Дядюшкиному сну» отмечается, что повесть по выходе в свет осталась незамеченной критикой, не было и позднейших прижизненных откликов на нее (2, 514).

Летом 1859 г. Достоевский в письмах к старшему брату дважды упоминает газету «Le Nord»: «Я не получил Le Nord...»; «... получил 2 письма. Первое от Милюкова, с статьей в „Le Nord“... Мне очень хочется ему как можно скорее ответить» (П., II, 599, 600).

«Le Nord» издавалась в Брюсселе. Это была «международная» газета. В каждом ее номере имелся раздел новостей из России. Здесь в № 119 от 29 апреля 1859 г. среди разных новостей из Петербурга имелось сообщение о выходе нового произведения Достоевского «Дядюшкин сон»: «C'est avec une grande satisfaction que nous avons trouvé dans „La Parole russe“ («Rousskoë slovo») un roman de Théodore Dostoëvskii „Un rêve de mon oncle“ («Diaduchkin sone»). Il y a juste dix ans déjà que l'auteur des „Pauvres gens“ ne nous avai plus rien donné. Il est toujours, comme par le passé, humoriste plein de verve et de sensibilité. Il paraît même qu'avec l'âge et l'expérience il a appris à considérer la vie sous un aspect moins triste et moins noir. Il y a plus d'air dans ses tableaux et moins de teintes sombres et de tristesse».¹

¹ «С огромным удовлетворением мы нашли в „Русском слове“ напечатанным роман Федора Достоевского „Дядюшкин сон“. Прошло уже целых десять лет, как автор „Бедных людей“ не выступал перед публикой. Как и раньше, он — юморист, полный воодушевления и чувствительности. Кажется даже, что с годами и испытаниями он научился смотреть на жизнь менее печально и менее мрачно. В его картинах чувствуется более воздуха, меньше темных и печальных черт» (франц.).